

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
КНИГА ВТОРАЯ	63
КНИГА ТРЕТЬЯ	160
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	245
КНИГА ПЯТАЯ	294
КНИГА ШЕСТАЯ	326
КНИГА СЕДЬМАЯ	412
КНИГА ВОСЬМАЯ	445

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Сэр Питер Чиллинглы, владелец Эксмондема, баронет, член Королевского общества и Общества антикваров, принадлежал к старинному роду и был довольно крупным землевладельцем. Женился он рано, но отнюдь не по особой склонности к супружеской жизни, а лишь подчиняясь настоянию родителей. Они сами выбрали для него невесту. Их выбор мог быть лучше, мог быть и хуже, а ведь даже это вряд ли можно сказать о многих мужьях, выбирающих жен по личному вкусу. Мисс Каролина Бразертон была во всех отношениях приличной партией. Она обладала порядочным состоянием, которое весьма облегчило покупку двух или трех ферм — предмета давнишних желаний семейства Чиллинглы, так как этим приобретением они округляли свои владения. Кроме того, у мисс Бразертон были знатные родственники, и она внесла в семью Чиллинглы тот особый светский тон, который приобретает молодая девушка, посещавшая балы три сезона подряд и только что вступившая в брак, делающий честь и ей самой, и тем, кто ввел ее в свет. Будучи настолько хороша собой, чтобы вполне удовлетворить гордость мужа, она все же не была до такой степени красавицей, чтобы постоянно возбуждать его ревность. Ее считали превосходно воспитанной, иначе говоря — она играла на фортепьяно, и всякий музыкант мог сказать, что у нее хорошая школа, но едва ли хоть один из них испытывал особое желание послушать ее игру вторично. Она писала акварелью достаточно хорошо, чтобы ей самой это доставляло удовольствие. Как многие дамы, она блистала знанием иностранных языков — французского и итальянского, и хотя чтение литературы на этих языках ограничивалось у нее небольшими отрывками из отдельных произведений, она произносила французские и итальянские слова с той непогрешимой правильностью, которой позавидовали бы даже Руссо и Ариосто. Какими еще

6 качествами должна отличаться девица, чтобы ее считали очень хорошо воспитанной, я, право, затрудняюсь сказать, но совершенно уверен, что та, о которой идет речь, вполне отвечала всем необходимым для этого требованиям.

Для сэра Питера Чиллингли такая партия была не только приличной, но даже блестящей. Не менее выгодным был этот брак и для мисс Каролины Бразертон. Как и подобает образцовым супругам, эта превосходная чета жила в образцовом мире и согласии.

Вскоре после женитьбы, по смерти родителей — миссия которых на земле, после того как они женили своего наследника, надо полагать, была окончена, сэр Питер вступил во владение своими наследственными поместьями.

Девять месяцев в году молодые супруги проводили в Эксмондеме, остальные три — в Лондоне. Когда жизнь в Эксмондеме им становилась скучна, леди Чиллингли, да и он сам были рады вновь возвратиться в город, а когда им надоедало жить в городе, они были рады вернуться в Эксмондем.

За одним исключением, это был чрезвычайно счастливый брак. Леди Чиллингли настаивала на своем в пустяжных вопросах; зато в вопросах особой важности решающий голос всегда принадлежал сэру Питеру. Обычно пустяковые дела случаются каждый день, а важные — раз в три года. И раз в три года леди Чиллингли уступала сэру Питеру. Семейная жизнь, налаженная таким образом, всегда идет ровно и мирно. Но мы упомянули об одном исключении — отрицательного свойства: не было того, что служило бы залогом их счастья. Вот уже четырнадцать лет сэр Питер и леди Чиллингли тщетно надеялись на появление маленького наследника.

Между тем при отсутствии прямого мужского потомка владения сэра Питера должны были перейти к одному дальнему родственнику. Этот предполагаемый наследник последние четыре года приобрел уверенность в том, что он уже теперь наследник фактический, и, хотя сэр Питер был гораздо моложе его и отличался завидным здоровьем, этот родич не раз уже выражал надежду на весьма скорое получение наследства. Когда сэр Питер задумал поменяться с соседним помещиком небольшими земельными участками, рассчитывая получить хорошую пахотную землю взамен ненужного ему леса, в котором ничего, кроме хвороста и кроликов, не водилось, — наследник категорически запротестовал. Он

заявил, что кроличья охота — его страсть и что ему 7
будет весьма кстати этот лес, который он рассчитывал
получить в самом недалеком будущем — может быть, уже
к следующему охотничьему сезону.

Он рьяно оспаривал привилегию сэра Питера производить
обычную порубку и даже грозил подать на него в суд за
нарушение его, наследника, прав. Словом, наследник родовых
владений принадлежал к тому сорту людей, назло которым
землевладельцы готовы жениться хоть в восемьдесят лет,
в слабой надежде на прибавление семейства. Но не одни
только соображения о переходе его владений в руки этого
не слишком любезного родственника заставляли сэра Питера
Чиллингли горевать об отсутствии малыша. Принадлежа
к тому кругу провинциальных дворян, у которых многие политические
мыслители отрицают особо развитый интеллект, присущий
другим членам общества, сэр Питер тем не менее был
очень начитан и даже склонен к умозрительной философии.
Он мечтал о законном наследнике, которому мог бы передать
свои знания и опыт. Будучи человеком добрым, он лелеял мысль,
что этот наследник будет более усердно наделять род людской теми
благами, которыми философы одаривают нас, когда крепко тузят
друг друга. Так полный искр кремень оставался бы до
скончания века холодным и бесполезным, если бы по нем не
ударяли сталью. Словом, сэр Питер жаждал иметь сына,
одаренного боевыми качествами, которых ему самому
не доставало и которые так необходимы каждому искателю
славы и уж особенно — благожелательным философам.

Поэтому можно себе представить, какая радость охватила
сердца обитателей Эксмондема и даже всех арендаторов в
этом почтенном поместье, которые так же искренне любили
владельца, как и ненавидели наследника, столь заботливого
к кроликам, когда доктор супругов Чиллингли объявил,
что «ее милость находится в интересном положении». Радость
достигла апогея, когда в надлежащее время в колыбель
торжественно положили младенца мужского пола.

Сэра Питера позвали к колыбели. Он вошел в комнату
быстрым шагом, и лицо его сияло, но вышел он оттуда медленно,
с нахмуренным лбом.

Ребенок, однако, вовсе не был уродом. Он явился на свет
не с двумя головами, как это иногда будто бы случается,

8 а был создан подобно всем детям. Это был очень здоровый красивый ребенок. А все-таки он чем-то напугал отца, так же как и кормилицу. У малютки был необычайно торжественный вид. Его глаза смотрели на сэра Питера с каким-то грустным упреком; губы были сжаты, и уголки их — скорбно опущены, словно он с неудовольствием размышлял о своей будущей судьбе.

Кормилица испуганным шепотом сообщила, что при появлении на свет он ни разу не крикнул. Он вступил во владение своей колыбелью с достоинством, присущим молчаливому горю. Более грустного и задумчивого выражения не могло быть у человеческого существа, если б даже оно покидало мир, а не только еще вступало в него.

«Гм! — сказал самому себе сэр Питер, возвращаясь в уединение своей библиотеки. — Философ, дающий юдоли слез нового обитателя, берет на себя тяжкую ответственность...»

В эту минуту с соседней колокольни раздался радостный перезвон... Летнее солнце светило в окна, на лужайке среди цветов жужжали пчелы. Сэр Питер очнулся от задумчивости и выглянул в окно.

— В конце концов, — весело произнес он, — юдоль слез не лишена и некоторых радостей.

Глава II

В Эксмондеме шел семейный совет о имени, которое следовало дать необыкновенному ребенку, чтобы он мог войти в христианскую общину.

Младшая ветвь старинного рода Чиллинглы состояла, во-первых, из неприятного наследника — шотландца по происхождению, носившего фамилию Чиллинглы Гордон. Он был вдов и имел сына, трехлетнего ребенка, пребывавшего в счастливом неведении печальных последствий, которые ожидали его в будущем в связи с рождением законного наследника. Этого нельзя было, однако, сказать о его каледонском папаше. Мистер Чиллинглы Гордон принадлежал к числу тех людей, которые преуспевают в жизни, хотя никто не мог бы объяснить почему. Родителей он потерял еще в младенчестве. Они ничего ему не оставили, но родня позаботилась о ребенке, поместив его в Чартерхаусскую школу. В этом знаменитом учебном заведении он ничем не

отличился, однако по окончании школы государство взяло его под свое особое покровительство, предоставив должность секретаря в одном из департаментов.

С этих пор он неизменно преуспевал в жизни и стал наконец членом совета по таможенным сборам, с окладом в тысячу пятьсот фунтов стерлингов в год.

Теперь средства мистера Гордона позволили ему содержать жену, и он женился, однако с таким расчетом, чтобы она помогала ему содержать себя своим состоянием. Его выбор пал на вдову ирландского пэра, получившую после смерти мужа свою вдовью часть наследства, которая приносила две тысячи фунтов в год.

Через несколько месяцев после женитьбы Чиллингли Гордон застраховал жизнь жены, обеспечив себе, таким образом, в случае ее смерти ежегодный доход в тысячу фунтов. Но, так как она казалась женщиной цветущего здоровья и была даже несколькими годами моложе мужа, ежегодные страховые платежи могли стать излишней жертвой в настоящем ради малоосновательных расчетов на будущее.

Но сама жизнь доказала необыкновенную проницательность Чиллингли Гордона, так как жена его на второй год супружества, через несколько месяцев после рождения сына, умерла от болезни сердца, ускользнувшей от внимания врачей. Любящее сердце Гордона, без сомнения, заметило эту болезнь еще до того, как он решил застраховать жизнь жены, слишком драгоценную, чтобы после ее утраты не требовалось хотя бы даже маленького возмещения.

После этого доходы Гордона достигли двух тысяч пяти-сот фунтов стерлингов в год, и, следовательно, его денежные дела находились в отличном состоянии. Кроме того, он приобрел репутацию, позволившую ему играть в обществе более почетную роль, чем та, которую могло предоставить ему слишком разборчивое государство. Его считали человеком здравомыслящим, и его мнение по всем вопросам частного и общественного значения всегда имело вес. Само это мнение, если к нему отнестись критически, стоило немного, но провозглашалось оно самым внушительным тоном. Мистер Фокс сказал однажды, что «никто не был таким мудрым, каким казался лорд Сэрлоу». Но даже лорд Сэрлоу не мог бы выглядеть умнее Чиллингли Гордона. Последний имел квадратную челюсть и рыжие косматые брови, которые он

10 хмурил как-то особенно эффектно, высказывая свои «веские» мнения.

Он обладал еще и другим преимуществом, благодаря чему приобрел солидную репутацию. Мистер Чиллингли был очень неприятный человек. Он становился груб, если ему противоречили, а так как не многим нравится выслушивать грубости, ему противоречили очень редко.

Чиллингли Майверс, представитель младшей ветви рода, также был примечателен, но уже в ином смысле. Это был тридцатипятилетний холостяк, с необычайным презрением относившийся ко всем и ко всему на свете. Он был основателем и главным владельцем газеты «Лондонец», тон которой отличался тем же высокомерным презрением. Естественно, что эта газета пользовалась чрезвычайной популярностью у передовых людей того сорта, которые никем не восхищаются и ни во что не верят.

Мистер Чиллингли Майверс считал себя, как и все его окружавшие, человеком, который мог достигнуть необыкновенных успехов в любой отрасли литературы, если бы только соизволил употребить на это свои редкие дарования. Но он пока еще не удостаивал литературу своим вмешательством, почему и имел полное основание намекать, что, напиши он эпическую поэму, драму, роман, историческое сочинение или трактат по метафизике, — и имена Мильтона, Шекспира, Сервантеса, Юма, Беркли просто перестанут существовать. Он считал весьма достойным сохранять свое литературное инкогнито, и даже в газете, которую основал, никто не знал наверняка, что именно он там пишет. При всем том Чиллингли Майверс был прямой противоположностью своему родственнику Чиллингли Гордону, то есть считался человеком очень умным и весьма приятным в обществе.

Преподобный Джон Столуорз Чиллингли был решительным сторонником мускульного христианства и сам являлся прекрасным представителем этой веры. Это был человек высокого роста, крепкого сложения, с широкими плечами и сильно развитыми икрами. Ему стоило лишь взглянуть на деиста, чтобы разбить его в пух и прах.

Сьер де Жуэнвиль в мемуарах о короле Людовике Святом рассказывает, что однажды духовные лица и богословы созвали всех евреев некоего восточного города, чтобы научно доказать им истинность христианского учения. Некий

рыцарь-калека, ходивший на костылях, получил позволение присутствовать на этом диспуте. Евреи во множестве откликнулись на приглашение. Один прелат вежливо обратился к ученому раввину с вопросом — верит ли он в непорочное зачатие Христа. «Конечно, нет», — ответил раввин, тогда благочестивый рыцарь, оскорбленный столь богохульным ответом, поднял костыль и сбил с ног раввина, а потом накинулся на остальных неверных, которых обратил в постыдное бегство. О поведении рыцаря донесли Людовику Святому с просьбой сделать ему соответствующее внушение, на что король вынес мудрое суждение:

«Если благочестивый рыцарь — человек ученый и может вескими доводами опровергнуть возражения неверного, пусть спорит честно. Но если благочестивый рыцарь не обладает достаточной ученостью и не может отразить доводы врагов христианства, тогда пусть он положит конец спору лезвием своего доброго меча».

В делах такого рода Джон Столуорз Чиллингсли был одного мнения с Людовиком Святым. Он поощрял у своих сельских прихожан любовь к крикету и другим видам спорта. Но будучи искусным и смелым наездником, Джон никогда не охотился; характер у него был общительный: он не прочь был, например, и выпить в хорошей компании. Но его литературные вкусы отличались утонченностью, которая даже как-то не вязалась с представлением о мускульном христианстве. Он любил стихи и много читал, но ему не нравились Скотт и Байрон, которых он считал безвкусными пустозвонами, он уверял, что Поп не более как рифмоплет, а величайший английский поэт — это Вордсворт. Классиков древности он недолюбливал, не признавал никаких достоинств за французской поэзией, об итальянской литературе не имел ни малейшего представления, зато кое-что смыслил в немецкой и надоедал всем и каждому своими восторгами по поводу «Германа и Доротеи» Гете. Жена его была невзрачная, скромная женщина, благоговевшая перед мужем. Она была искренне уверена, что в церкви не было бы раскола, если бы место архиепископа Кентерберийского занимал ее муж. Впрочем, он и сам был того же мнения.

Кроме этих трех мужских особей рода Чиллингсли, следует сказать еще о представительницах прекрасного пола. Поскольку миледи еще не покидала своей комнаты, их было

12 в наличии три — все родные сестры сэра Питера и все старые девы. Может быть, одной из главных причин, почему они не вышли замуж, было их необыкновенное внешнее сходство. Жених, если бы таковой нашелся, оказался бы в затруднении, на какой из трех остановить выбор, и, может быть, просто побоялся бы, что на другой день после предложения он вместо невесты поцелует по ошибке какую-нибудь из ее сестер.

Все три были высокие, худые, с длинными костлявыми шеями. У всех были одинаково бесцветные волосы, ресницы, глаза и вообще весь внешний вид. Одевались они постоянно одинаково, всем цветам предпочитая ярко-зеленый. Так они оделись и сегодня.

Исходя из внешнего сходства, поверхностный наблюдатель легко мог прийти к заключению, что по характеру и складу ума сестры также ничем не различались. Их манеры были безупречны, с тем особым оттенком благопристойности, который присущ хорошо воспитанным женщинам. Их отношение к посторонним отличалось холодностью и сдержанностью, зато к родственникам, к людям, пользовавшимся их симпатией, и друг к другу они питали искреннюю привязанность.

Они были добры к бедным, которых, впрочем, считали существами совсем иного порядка, обращаясь с ними с той снисходительностью, какую обычно проявляют в обращении с бессловесными животными. Ум их питался из одного источника. Они читали одни и те же книги, которые делили на два сорта: романы и так называемые «хорошие книги». У них было обыкновение читать попеременно: сегодня — роман, завтра — «хорошую книгу», послезавтра — опять роман, и так далее, в том же порядке. Таким образом, если в понедельник воображение сестер было несколько разгорячено, во вторник они охлаждали его до надлежащей температуры, и если во вторник оно замерзало, в среду его согревали в теплой ванне.

Впрочем, романы, которые им доводилось читать, редко были способны разогреть воображение: их герои и героини могли служить образцами безукоризненного поведения.

Тогда как раз были в моде романы Джеймса, и сестры в один голос уверяли, что «эти романы отец может смело дать прочесть своим дочерям».

Но хотя поверхностный наблюдатель и не усматривал никакого различия между тремя девицами и, видя их всех

постоянно в зеленом, сказал бы, пожалуй, что они похожи друг на друга, как три горошины, тем не менее, приглядываясь к ним внимательней, можно было заметить у каждой свои особенности.

Мисс Маргарет, старшая из сестер, была наиболее властной. Она управляла их общим хозяйством — все трое жили вместе, — ей была доверена роль семейного казначея, она же имела решающий голос во всех спорных вопросах: приглашать ли на чай такую-то, отказать ли от места Мэри, куда ехать в октябре — в Бродстере или в Сэндгейт, — словом, мисс Маргарет олицетворяла волю этого маленького союза.

У мисс Сибиллы был более кроткий нрав и склонность к меланхолии. Обладая поэтическим складом ума, она время от времени писала стихи. Некоторые из них были напечатаны на атласной бумаге и продавались на благотворительных базарах. Провинциальные газеты отзывались об этих стихах благосклонно, отмечая в них «изящество утонченного и женственного ума».

Обе сестры соглашались, что Сибилла была гением в их семье, но, как все гении, недостаточно практична в обыденной жизни.

Мисс Сара Чиллингли, младшая из трех и только что вступившая в сорок четвертую весну своей жизни, считалась у них «милой малюткой, немного шаловливой, но такой душечкой, что ни у кого не достало бы духа бранить ее». Мисс Маргарет называла ее ветреницей, а мисс Сибилла посвятила стихотворение под названием: «Предостережение молодой девице об опасности светских удовольствий».

Сестры называли ее Сэлли; у остальных уменьшительных имен не было. Имя Сэлли¹ связано с чем-то стремительным. Но такое представление о Сэлли в другой семье едва ли привилось бы, так как вряд ли можно было ожидать, что она быстро выпорхнет из гнезда.

Все три мисс Чиллингли, бывшие намного старше сэра Питера, жили на главной улице столицы родного графства, в прекрасном, хотя и старомодном кирпичном доме с огромным садом позади. У каждой из них был капитал в десять тысяч фунтов стерлингов, и если б мистер Чиллингли Гордон мог

¹ Одно из значений слова «sally» (сэлли) — «военная вылазка» (англ.).

14 жениться разом на трех, он не преминул бы это сделать и переписал бы круглую сумму в тридцать тысяч фунтов на себя. К его сожалению, многоженство еще не признано законом, хотя, если общественный прогресс не изменит своего теперешнего пути, кто знает, какого торжества над предрассудками предков может достигнуть мудрость наших потомков.

Глава III

— Друзья, — сказал Питер, стоя перед камином и обводя взглядом сидевших полукругом гостей, — в парламенте, прежде чем приступить к обсуждению билля, как мне кажется, сперва вносят его.

Он помолчал, потом позвонил и обратился к вошедшему слуге:

— Скажите кормилице, чтобы она принесла младенца.

Чиллингли Гордон. Право, сэр Питер, я лично не вижу в этом особой необходимости. Мы и так охотно верим в его существование.

Мистер Майверс. Произведению сэра Питера для охраны своей репутации выгодно сохранять инкогнито. *Omne ignotum pro magnifico*¹.

Джон Столуорз Чиллингли. Я не одобряю таких цинических замечаний. Разумеется, мы все желаем видеть будущего представителя нашего имени и рода на самой ранней стадии его существования. Кто не хотел бы взглянуть на источник Нила или Тигра, как бы ни был он мал?

Мисс Сэлли (*хихикает*). Хи-хи!..

Мисс Маргарет. Как тебе не стыдно, ветреница!

Наконец виновник торжества появляется на руках кормилицы. Все встают и окружают малютку — все, кроме Гордона, наследника в отставке.

Младенец встретил устремленные на него со всех сторон взгляды родственников с самым презрительным равнодушием. Мисс Сибилла первая нарушила молчание, высказав свое мнение о первенце сэра Питера. Торжественным шепотом она возвестила:

— Какое неземное и грустное выражение! Он как будто сожалеет, что покинул мир ангелов.

¹ Все неизвестное кажется великим (*лат.*).

Джон Чиллингли. Очень мило сказано, кузина Сибилла. Но дитя должно быть мужественным. Оно должно смело завоевать себе место среди других смертных, если хочет когда-нибудь вернуться к ангелам. И мне думается, так оно и будет: ребенок прекрасный!

15

Он взял его у кормилицы и, подбросив вверх, как бы взвешивая, весело сказал:

— Чудовищно тяжелый. К двадцати годам с ним не справится боксер весом в пятнадцать стоунов.

С этими словами он подошел к Гордону, который, как бы желая показать, что его нисколько не интересуют дела семьи, сыгравшей с ним такую скверную штуку, родив этого ребенка, взялся за «Таймс», скрывшись за ее обширными листами. Пастор одной рукой вырвал у него «Таймс», а другой поднес малютку к самому носу возмущенного экс-наследника.

— Поцелуйте же его! — сказал он.

— Поцеловать? — воскликнул Чиллингли Гордон, отодвигая свое кресло назад. — Поцеловать? Фи, сэр, отойдите! Я никогда не целовал даже собственного ребенка и тем более чужого. Уберите от меня это существо, сэр, оно безобразно, у него черные глаза!

Сэр Питер, который был близорук, надел очки и наклонился над новорожденным,

— Верно, — сказал он, — у него черные глаза. Очень странно... необычайно. Это первый Чиллингли с черными глазами.

— У его маменьки черные глаза, — сказала мисс Маргарет, — он пошел в маму. Правда, он не так красив, как все Чиллингли, но вовсе не безобразен.

— Прелестное дитя, — вздохнула Сибилла, — и такое умное, не плачет.

— Ни разу не заплакал и не закричал с тех пор, как родился, благослови его господи, — сказала кормилица.

Она взяла ребенка от пастора и стала расправлять смявшиеся оборки чепчика.

— Можете идти, — сказал ей сэр Питер.

Глава IV

— Я согласен с мистером Шенди, — заговорил сэр Питер, опять заняв свое место у камина, — что одна из самых ответственных задач, лежащих на родителях, — выбор имени, ко-

16 торое ребенок должен носить всю жизнь. Особенно важно это для баронетов. У пэров христианское имя, слившись с титулом, исчезает. Если человека называют мистером и если данное ему при крещении имя неблагозвучно или смешно, он вовсе не обязан выставлять его напоказ. Он может не печатать его на визитных карточках и ставить «мистер Джонс» вместо «мистер Эбенизер Джонс». Подписываясь под бумагами — конечно, кроме тех, которые требуют соблюдения всех формальностей, — он может ставить только начальную букву своего имени, например: «Ваш покорнейший слуга Э. Джонс». Всякий волен предполагать, что Э. означает или Эдуард, или Эрнест — имена невинные, не напоминающие о диссидентской церкви, как имя Эбенизер. Если юноша по имени Эдуард или Эрнест будет уличен в какой-нибудь нескромности, на его репутации не останется пятна, но если в таком же поступке будет уличен Эбенизер, его на всю жизнь ославят лицемером: это оскорбит общественное мнение так же, как если бы известный праведник вдруг оказался простым грешником. Но баронету не уйти от своего имени, оно не может оставаться в забвении, не может сократиться до инициала. Оно ярко блистает в свете дня. И если баронета окрестили Эбенизером, он так и будет «сэр Эбенизер», со всеми опасными последствиями, случись ему поддаться тем искушениям, которым подвержены и баронеты. Но, друзья мои, необходимо учесть не только действие, которое звук имени оказывает на других, — еще важнее, быть может, действие, которое имя оказывает на нас самих. Есть имена, поощряющие и ободряющие человека, другие, напротив, способны привести его в уныние и парализовать все стремления. Я сам служу печальным примером, подтверждающим эту истину. Как вы знаете, в нашем роду старшего сына всегда нарекали Питером. Я стал жертвой этой семейной традиции. Никогда не было сэра Питера Чиллингли, хоть чем-нибудь замечательного среди своих ближних. Это имя давило мертвым грузом на мой ум, на мою энергию. В списке знаменитых англичан, кажется, нет ни одного с именем сэра Питера, разве только сэр Питер Тизл, да и тот существует только в комедии.

Мисс Сибилла. А сэр Питер Лели?

Сэр Питер Чиллингли. Этот живописец вовсе не англичанин. Он родился в Вестфалии, знаменитой окоро-

ками. Я ограничиваю свои замечания сынами нашей родины. Надо сказать, что в других странах имя Питер не убивает гения его носителя. Почему? А потому, что там оно звучит иначе, Пьер Корнель — великий человек, но, спрошу я вас, будь он англичанином, могли бы вы представить себе отца европейской трагедии, носящего имя Питер Кроу?¹

Мисс Сибилла. Это невозможно.

Мисс Сэлли. Хи-хи!

Мисс Маргарет. Нечего смеяться, ветреный ребенок.

Сэр Питер. Я не позволю назвать Питером моего сына!

Мистер Чиллингли Гордон. Если человек настолько глуп — а нельзя сказать наверняка, что ваш сын, кузен Питер, будет уж очень умен, — что на него может действовать звук собственного имени, и вы хотите, чтобы он весь свет перевернул вверх дном, то уж лучше назовите его Юлием Цезарем, или Ганнибалом, или Аттилой, или Карлом Великим.

Сэр Питер (*который по невозмутимости стоит выше всего остального человечества*). Напротив, если вы навяжете человеку одно из таких громких имен, славу которого у него нет надежды затмить, вы раздавите его этой тяжестью. Представьте себе современного поэта по имени Джон Мильтон или Уильям Шекспир — ведь он не осмелился бы напечатать даже сонета. Нет, имя следует выбирать, избегая крайностей: смешное, незначительное имя так же неудобно, как слишком громкое. Поэтому я приказал повесить вон там, на стене нашу семейную родословную. Рассмотрим ее повнимательнее: может быть, среди самих Чиллингли или их родственников найдется имя, достойное будущего главы нашего дома, не слишком легковесное, но и не слишком обременительное.

Сэр Питер подошел к изображению фамильного древа — красивому свитку пергамента, наверху которого был изображен фамильный герб Чиллингли. Он был прост, как все старинные гербы: три серебряные рыбы на лазурном поле и над ними голова сирены. Все столпились посмотреть на

¹ Игра слов: *corneille* (*корнэй*) — по-французски «ворона», *crow* (кроу) — по-английски «ворона».

18 родословную, кроме Гордона, продолжавшего читать «Таймс».

— Я никогда не мог толком разобрать, какие это рыбы, — сказал преподобный Джон Столуорз. — Конечно, не шуки, как на гербе семейства Хотофт: у них прямо-таки устрашающий вид, способный испугать всех будущих Шекспиров!

— Мне думается, это лини, — промолвил мистер Майверс. — Линь — рыба, умеющая обеспечить себе безопасную жизнь благодаря тому, что она философски предпочитает скромное и незаметное существование в глубоких ямах и в иле.

Сэр Питер. Нет, Майверс, это елец — рыба, которая раз завелась в пруду, то уж никогда оттуда и не выведется. Вы можете выкачать воду, вы можете спустить ее. «Ну, — скажете вы, — теперь не будет ельца». Но как бы не так! Не успеете вы оглянуться, как ваш пруд уже снова кишит ельцом. Так что более подходящей эмблемы для нашего рода нельзя было и придумать. Сколько всяких политических волнений и революций произошло в Англии со времен Гептархии, а порода Чиллинглы все та же и сидят они на том же месте. Их почему-то не разорило нашествие норманнов, они держали лены при Эвдо Сенешале так же спокойно, как и при короле Гарольде. Они не участвовали ни в крестовых походах, ни в Войне Алой и Белой розы, ни в гражданской войне между Карлом Первым и парламентом. Как ельца не разлучить с водой, так и Чиллинглы нельзя было оттащить от земли и землю — от Чиллинглы. Может быть, я и неправ, но мне хотелось бы, чтобы новый Чиллинглы был чуть меньше похож на ельца.

— Ах, — воскликнула мисс Маргарет, которая, взобравшись на стул, рассматривала родословную в лорнет, — я не вижу ни одного красивого имени, кроме Оливера!

Сэр Питер. Этот Чиллинглы родился в эпоху протектората Оливера Кромвеля и назван так в его честь, равно как его отец, родившийся в царствование Иакова I, был окрещен Джеймсом¹. Наши три рыбки всегда плыли по течению. Что ж, Оливер — имя неплохое, но оно имеет привкус радикальных доктрин.

¹ Д ж е й м с — английская форма имени Иаков.